

Кривошея Ігор
(Умань)

ПОЛЬСЬКІ АРИСТОКРАТИ ПОТОЦЬКІ (ГЕРБ «ПИЛЯВА») В РЕЦЕПЦІ ФІЛІПА ВІГЕЛЯ*

*«Прошлое само по себе есть призведение искусства,
в нем нет ничего лишнего.
Настоящему никогда не достичь подобного совершенства.
Поэтому цепляться за воспоминания необходимо».*
(Маттеучи Ф. Праздник цвета берлинской лазури: Роман /
Пер. с ит. А. Лентовской. – СПб., 2008. – С. 86.)

Важливість джерельної бази для історичного дослідження важко переоцінити. Саме джерела відіграють важливу, навіть першочергову, роль у спробі історика реконструювати минуле.

Серед всього загалу джерел особового походження виділяють групу «исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становление межличностных отношений. К источникам личного происхождения относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары-«современные истории», эссеистика, исповеди»¹.

Щоденники та мемуари (спогади, записки тощо) – унікальні історичні джерела, які несуть на собі печатки епохи й індивідуальності, й водночас презентують нам факти, що з якихось – об'єктивних чи суб'єктивних – причин не знайшли відображення в офіційних документа конкретної історичної доби. Вони зберігають в собі «дух часу», коли історичні факти, образи чи особистості сприймаються на емоційно-психологічному рівні індивідууму – учасника чи свідка суспільних подій. Причини, які спонукали їх писати, були різними, але головне це те, що вони таким чином намагалися зафіксувати в написаному тексті свою ідентифікацію в цьому минулому, свою роль в історичному процесі, намагаючись тим самим у такій формі відобразити суспільне життя того часу, в якому вони жили. Варто пам'ятати, що мемуарна література містить дворівневу історичну інформацію про минуле (події описуваних у мемуарні текстах) та сьогодення (час написання цих текстів), яка творить історичний образ – «результат реконструкції в свідомості людини походження, основних внутрішніх і зовнішніх прикмет історичної персоналії, явища, процесу, цілої епохи формується на основі світовідчуття, світосприймання і світорозуміння»².

Залучення спогадів чи записок у загальний комплекс історичних джерел несе у собі серйозні переваги, адже порівняно «с другими источниками личного происхождения

---

* Автор висловлює щире подяку Касі імені Йозефа Мянговського за надану стипендію для наукового стажування в Республіці Польщі (вересень 2008 р.), що дозволило завершити пропонувану статтю.

именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полностью реализуется историческое самосознание личности – в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников»³.

Різні автори щоденників та спогадів дають різні оцінки одним й тим же подіям, особистостям: «По большей части исторические записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей, одним словом, действующими лицами, которые, описывая происшествия, на кои они имели влияние и в коих сами участвовали, открывают потомству важные тайны, едва угадываемые современниками: их записки – главнейшие источники для истории. Но если сим актерам ведомо все закулисное, то между зрителями разве не может быть таких, коих замечания пригодились бы также потомству? Им одним могут быть известны толки и суждения партера; прислушиваясь к ним внимательным ухом, они в то же время могут зорким оком проникать в самую глубину сцены, и если они хоть сколько-нибудь одарены умом наблюдательным и счастливою памятью, то сколько любопытного и неизвестного могут сообщить они своим потомкам!»⁴

Таким чином, спогади є цінним історичним джерелом, бо репрезентують прагнення «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем»⁵.

Мемуари, спогади, щоденники привертають увагу зрозуміло в першу чергу істориків⁶, філологів⁷, а також психоісториків⁸.

Проаналізувати абсолютно всі джерела, які досліджує мемуаристика, на предмет згадки або рецепції російською елітою польських аристократів Потоцьких (герб «Пилява»), досить складно, і, це напевне справа не однієї студії. Тому для запропонованої розвідки обрано дуже цікаві «Записки», що належать перу Філіпа Філіповича Вігеля (1786–1856), які були опубліковані у 1891–1893 рр. на сторінках «Русской Старины». Вихідець з русифікованих шведів, автор цих мемуарів досягнув значних успіхів у сходженні кар'єрою драбиною. З 1800 по 1824 р. служив на різних посадах в міністерствах закордонних справ, внутрішніх справ та фінансів. У 1824–1826 рр. був віце-губернатором Бесарабії, а наступні два роки (1826–1828) – градоначальником міста Керч. З 1829 по 1840 р. як директор очолював Департамент духовних справ іноземних віросповідань. Вийшовши у відставку в чині таємного радника (1840 р.), Ф. Вігель, останні роки життя мешкав то у Санкт-Петербурзі, то у Москві.

Щоб зрозуміти загальну тональність ставлення Ф. Вігеля до аристократів Потоцьких варто звернути увагу на слова, що характеризують його особисте ставлення до поляків, для яких «отчизна им милее всего на свете. Я не думал быть защитником поляков, тем бодем что имею много причин негодовать на них, но я люблю истину и вспомнил поляков. Вековая их вражда погасла в изумлении пред победившим их гением Екатерины; ее народ разделил с нею невольное их уважение; но когда потом увидели они свои завоевателей на коленях в грязи перед теми, коих почитали своими друзьями и наставниками, то удивление прошло, и прежде чем они стали нас вновь ненавидеть, уже научились они нас презирать»⁹.

Серед польського аристократичного загалу і серед Потоцьких, особливо тутьчинської гілки – цих «польских Атридов», що мали «гораздо более семи смертельных грехов» – автор «Записок» відзначає відомого вченого та письменника Яна Потоцького (1761–1815). Про якого пише, що «как же пропуститъ графа Ивана Потоцкого, просвещеннейшего и оригинальнейшего из поляков, который по случаю отправления нашего посольства был принят в русскую службу тайным советником? (...) В исторических и других изысканиях своих был он упорно трудолюбив, как немец, а в заключениях, кои выводил он из своих

открытый, легкомыслен, как поляк. Неутомимые его упражнения, беспрестанное напряжение умственных сил, вместе с игривостью самого живого воображения, кажется, были несколько вредны для его рассудка. Говорят, что жемчужины не что иное, как накипь в морских раковинах, их болезнь: так точно и легкое повреждение рассудка у Потоцкого произвело прекрасные перлы, два французские романа»¹⁰.

Заохплюючись письменницьким талантом Яна Потоцького, Філіп Вігель, разом із тим, відзначає, що дивацтва його «заметны в самом наряде; он был в одно время и небрежен и чистоплотен, совсем не заботился о покрое платья своего, но всегда был изысканно опрятен. Иногда по недосугам не имел он времени дать обрезать себе волосы, и они почти до плеч у него развевались, как вдруг, в минуту нетерпения, хватал он ножницы и сам стриг их у себя на голове и вкривь и вкось, после чего, разумеется, смешил всех своею прической. В отношении к Головкину вел он себя отменно прилично, не подавал ему ни малейшего повода к неудовольствию, зато и не баловал излишнею почтительностью. Всегда углубленный в науку, он заслонял себя ею от наших сплетен, хотя и жил посреди них. Он был немного кривобок, и правое плечо было у него выше левого; имел лицо бледное, черты довольно приятные, глаза голубые и, нет в том сомнения, точно помешанные»¹¹.

Також він акцентує увагу на нещасливому шлюбі Яна Потоцького і звинувачує в цьому доньку Станіслава Щенни Потоцького – Констанцію (1781–1852). Хоча згадуючи про неї, Філіп Вігель помиляється в кількості не те, що доньок, а й загальної кількості дітей графа: «Он уже несколько лет был женат на одной из двенадцати или пятнадцати дочерей графа Потоцкого же, Феликса, которого в переводе поляки называли Щенным, то есть Счастливым, вероятно, потому, что он весьма счастливо изменил старому своему отечеству; сыновья же сего Феликса, чтобы загладить его преступление, изменяли новому, а дочери изменяли только мужьям. Ту, которая была за нашим Яном Потоцким, звали Констанция, хотя она была непостоянна, как все польки, ни более, ни менее, и муж любил ее без памяти, хотя она была хромая и хотя она его терпеть не могла, потому что почитала горбатым. Несколько лет спустя после нашего путешествия она бежала от него с каким-то родственником; но по крайней мере не хотела, подобно другим своим соотечественницам, вмешивать религию вдела распутства, не разводилась с ним и не выходила ни за кого замуж. В отчаянии о ее потере он зарезался бритвою»¹².

Про його брата – Северина Потоцького (1762–1829), одного з фундаторів університету в Харкові, Філіп Вігель, відзначаючи наукові здібності та поєднуючи з етнічною релігійну неприязнь, та порівнюючи їх, писав: «граф Северин Осипович, умел науке давать удивительную привлекательность и нас, невежд, заставлял приступать к ней не только без боязни, но и с особенным наслаждением»¹³, але «наши сильные не больно уважали православие: Головкин был реформатор, Потоцкий католик, а Байков не принадлежал ни к одной вере»¹⁴. «Старший брат Ивана Осиповича, сибирского нашего спутника, он гораздо любезнее его был в обществе, имел менее странностей, столько же познаний, воображение столь же живое и сверх того государственный ум, которого в том не было. Неподалеку от Одессы поселил он сотни две крестьян, сию колонию, деревню назвал Севериновкой и затеял в ней обширные виноградники. Сколь приятно было, говорили, посещать его там по его приглашениям, столь же ужасно было вкушать предлагаемое им и восхваляемое, на месте выделяемое вино. Сия отдаленная ветвь Потоцких ничего, кроме имени и происхождения, не имела общего с тульчинскими Потоцкими; к сожалению, однако же, посредством браков соединялась иногда с ними. Тогда я еще не был осчастливлен знакомством графа Северина; несколько времени спустя удостоивал он меня особою благосклонностию»¹⁵.

Про господарську і політичну діяльність Станіслава Щенни Потоцького (1751–1805) Філіп Філіпович пише так, щоб лише підкреслити негативні риси його особистості: «У богатых жидов он насильно занимал большие суммы; по соседству все имения, коих завладение представляло ему выгоды, отхватывал он посредством заводимых тяжб, и трепещущие судьи не смели иначе решить, как в его пользу. Таким образом, несметное богатство свое успел он удвоить. Грабительства его прекратились только с поступлением этого края под русское владение; но он заблаговременно передался России, и все им захваченное осталось за ним»¹⁶.

Описуючи його приватне життя, більш-менш реально оцінюючи загальну ситуацію, автор помиляється в окремих, разом з тим дуже важливих нюансах, які суттєво спотворюють істинну ситуацію, але відображають ту інформаційну атмосферу, що тоді панувала в елітному суспільстві. Оцінки Ф. Вігелем доньок Станіслава Щенни від шлюбів з Юзефіною Амалією Мнішек (1752–1798) та Софією Вітт (1760–1822) написані в тій же самій тональності, що й враження від батьків. Так, про Вікторію Потоцьку (1780–1826), він згадує як особу, що відома була своїм переїданням¹⁷: «В 1819 году властвовал (в Бесарабии – *I. К.*) еще Бахметев или, скорее, супруга его Виктория Станиславовна, разводная жена графа Шозеля-Гуфье, урожденная графиня Потоцкая. Как всякая полька, любила она власть и оттого любила начальствовавшего мужа, безногого, пожилого и хворого. Как полька, любила она деньги и оттого любила дикую еще Бессарабию, в которой видела для себя золотой рудник. Как полька, любила она роскошную жизнь, всякий вечер принимала у себя гостей и часто делала балы. Она жила во вновь построенном каменном доме о двух этажах, в нижней части города. Общество при ней процветало, тешилось, а земля платила за его увеселения: ведь нельзя же забавлять людей все даром. Министром финансов ее был армянский архиепископ Григорий, столь же любезный, как глубоко и откровенно безнравственный человек; я бы его возненавидел, если б он принадлежал к православному духовенству, но до чуждой мне веры какое мне дело? и мы всегда жили с ним по-приятельски. Сей весельчак в архиерейском доме давал иногда и балы, присутствовал при танцах, но сам не принимал в них участия. Собираемыми не совсем добровольных приношений были вызванные ею из Подольской губернии евреи»¹⁸.

Враження, які передає нам Ф. Вігель про Розу Потоцьку (1775–1846), перекликаються з його загальною оцінкою польського народу: «О третьей, Розе, вечно враждебной России, на которой, против воли матери, женился граф Владислав Браницкий и которую почтенная свекровь не пускала на глаза, не говорил я ни слова. О добродетелях других сестер и братьев лучше умолчать»¹⁹.

Описуючи шлюб впливового графа з Софією Вітт, Ф. Вігель помилково пише, що той «пленился графиней Витт в одно время с Феликсом, старшим сыном своим от первого брака. По условию с сыном, она предпочла отца и вышла за него, стыдодаяния свои соединив со злочестьем Потоцких. (...) От сего кровосмешения родилось три сына и две дочери, из них Ольга меньшая. И безумный Феликс не подумал о том, что себя и братьев лишает большей части наследства. Какая была развязка в этой семейной драме? Старик, наконец, узнал всю истину; вскоре затем последовали две внезапные кончины, сперва сына, потом отца»²⁰. Хоча одразу намагається відхреститися від висловленого: «Клевета в таких случаях до некоторой степени извинительна и весьма походит на правду. Польские дворяне говорили тогда о черной каве, о черном кофее, как о вещи весьма обыкновенной»²¹.

Характеристику ж доньок Станіслава від Софії він «пересипає» розповіддю про матір: «Опять принужден сделать отступление; но как, назвав знаменитую у нас тогда Ольгу

Потоцкую, не рассказать чудную историю о ее матери и о ее семействе? В одном из константинопольских трактиров была служанкой гречаночка лет тринадцати или четырнадцати; секретарь польского посольства Боскамп сманил ее оттуда и через несколько месяцев уступил польскому же посланнику Деболи. С сим последним совсем распустившеюся розой приехала она в Варшаву, где всех изумила необычайной красотой своей. Она стала жить на свободе, и счастливым, щедрым обожателям ее не было числа; но, наконец, всем им предпочла она одного пожилого польского генерала графа Витта, ибо он один предложил ей свою руку. Не знаю, когда и где встретил ее князь Потемкин, только мужа переманил в русскую службу с генеральским чином и назначил обер-комендантом в Херсон, а жену увез с собою в Яссы. Там шеголял он ею, как великолепным трофеем, а она гордилась привязанностию человека, которого слушалась вся Россия, и который совершенно царствовал в двух княжествах. И великие души, видно, не чужды тщеславию; ибо Потемкин напоказ повез ее и в Петербург.

Сопровождаемый многочисленной свитой, верхом для выставки развозил он ее с собою в открытом кабриолете по улицам и гуляньям. После смерти Потемкина, чрез несколько лет, сделалась она знатной дамой»²².

Філіп Вігель і далі продовжив переказувати враження Санкт-Петербурзького світу про Потоцьких, з такою тональністю нібито російська еліта була більш витончена й порядна: «Пасынки и падчерицы вдовы графини Потоцкой завели с нею ужасный процесс, оспаривая законность ее брака, следственно и законное рождение ее детей: ибо Витт был еще жив и не разведен с нею, когда она вступила во второй брак. Сие понудило ее, наконец, приехать в Петербург. Греческие хитрые уловки заменили ей увядшую красоту. Министрам и сенаторам рассыпала она лесть и ласки, для подчиненных не щадила золота. (...) Как ожидать было должно, дело кончилось в ее пользу. Она отправилась в доставшийся ей по разделу город Умань, где, в подражание добродетельной Браницкой, и она развела обширный сад под именем Софиевки. Ей оставалось спокойно доживать век и пользоваться плодами долголетних интриг, как вдруг явилась неумолимая. Ужасна была смерть грешницы: в совершенной памяти, при нестерпимых мучениях, смердящим трупом прожила она несколько месяцев. Весь дом был заражен зловонным воздухом, все бежало от него; одни дочери остались прикованными к ее одру. И как не похвалить их за сей геройский подвиг!»²³

Сторінки «Записок» Ф. Вігеля красномовно передають загальне сприйняття жінок з роду Потоцьких у вищому світі, згадуючи Софіїну доньку Ольгу (1802–1861) і порівнюючи її з матір'ю: «Граф Милорадович, который влюбился в молоденькую дочь ее Ольгу. Сия последняя, с дозволения матери, нередко посещала его, просиживала с ним наедине по часу в его кабинете и принимала от него великолепные подарки. От яблони яблочко, говорят, не далеко падает. Говорили, что это польский обычай; но величественный и строгий в приличиях двор Александра смотрел на то не весьма благосклонно»²⁴. Ольга Потоцька була дійсно світською дамою, яка «без памяття любила наряды и не только на себе, но и на других...»²⁵.

Далі Ф. Вігель описує не лише долю Софії (1801–1875) та вже згаданій вище Ольги після смерті матері, а й розкриває таємниці їх приватного життя: «После ее смерти сии девицы отнюдь не казались сиротами, меньшая еще менее, чем старшая София, которая в то же время [1821] вышла за скользящего у меня все под пером начальника штаба второй армии, Павла Дмитриевича Киселева. Он умел в Тульчине приобрести более власти, чем сам главнокомандующий Витгенштейн. Сие могущество пленило Ольгу, которая приехала погостить к сестре. Она недолго тут нагостила: Киселева застала ее в объятиях своего мужа, что наделало много шума в главной квартире. Если сие скопление мерзостей дойдет

до потомства, не знаю, поверит ли оно ему. Пусть вспомнит историю семейства Борджиа; а католическая Польша, едва вышедшая из времен насилий и безначалия, право, стоила Италии Средних веков.

Еще летом в Одессе увидел я сию столь уже известную Ольгу Потоцкую. Красота ее была во всем своем блеске, но в ней не было ничего девственного, трогательного; я подивился, но не восхитился ею. Она была довольно молчалива, не горда, но и невнимательна с теми, к кому не имела нужды, не столько задумчива, как рассеянна и в самой первой молодости казалась уже вооруженною большою опытностью. Все было разочтено, и стрелы кокетства берегла она для поражения сильных. Как все это уладилось, как просватали ее за Л.А.Нарышкина, все это покрыто тайной и не могло доходить до меня в Кишиневе»²⁶.

Далі більше, Філіп Вігель красномовно описує закоханість у Ольгу Ф. Палена: «Ольга Нарышкина, безжалостная, бессердечная, как все Потоцкие, поступала с ним иногда хуже. Прогуливаясь пешком, она по-приятельски заходила навестить его в опрятной, с некоторым кокетством убранной его квартирке. Желая будто ближе посмотреть на картинки, в ней развешанные, она с грязными ногами лазила на канапэ, на кресла и как бы не нарочно раздирала материи, их покрывающие»²⁷.

Сімейне життя Ольги з чоловіком, теж на думку автора, було далеким від ідеалу: «Что касается до мужа Ольги, Льва Нарышкина, то он вел самую странную жизнь, то есть скучал ею, никуда не ездил и две трети дня проводил во сне. Она также мало показывалась, но, дабы не отстать от привычки властвовать над властями, в ожидании Воронцова, задумала пленить Палена и, к несчастью, в том успела. Из любви и уважения к нему никто не позволял себе говорить о сем маленьком его сумасбродстве. (...)

Шумных удовольствий не было, и потому новый, 1828 год начался весьма тихо, может быть, приятно для тех, кои встретили его в кругу семейств своих и друзей; я же всю эту ночь провел в глубоком сне. Одна Ольга Нарышкина умела начать его забавным образом. Она созвала к себе на вечер все общество свое, составленное из людей ей поклоняющихся или ее забавляющих. Все были костюмированы и замаскированы, и, между прочим, бедную Казначееву, толстую и кривобокою, нарядила она тирольским мальчиком. Муж, по обыкновению своему, в десять часов залег спать; но по условию между им и женою в полночь вся гурьба с шумом вошла в его спальню и заставила его встать с постели. Будто раздосадованный, будто спросонья, будто никого не узнавая, принялся он всех бранить; более всех досталось Казначеевой... На другой день рассказы об этой проделке занимали весь город»²⁸.

Оцінки, які дає Філіп Вігель жінкам з роду Потоцьких, що вийшли заміж за російських аристократів, стають зрозумілими, якщо прочитати наступне: «Зато были в Одессе другие графини ко мне весьма благосклонные»²⁹.

Конкретно-предметні висновки щодо рецепції Філіпом Вігелем графів Потоцьких можна сформулювати наступним чином. По-перше, відображення життя й діяльності представників роду Потоцьких формувалося під впливом загального сприйняття автором польської аристократії. По-друге, в мемуарах Вігеля поруч з висвітленням простої участі Потоцьких у суспільному житті зустрічаємо колоритні психологічні портрети, а інколи навіть описи, що характеризують фізичне здоров'я окремих осіб. По-третє, найбільш розлогі й детальні фрагменти присвячені жінкам роду Потоцьких. По-четверте, негативна чи позитивна оцінка окремих членів клану Потоцьких автором джерела залежала передусім від особистого контакту з особою, яка згадується.

Анотація

Аналізується рецепція приватного життя і діяльності графів Потоцьких в мемуарах Філіпа Вігеля.

Annotation

The description of Counts Potockis' private life and activities in diaries of Phillip Vigel is analyzed.

-
- ¹ Источники Российской истории: Учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 2000. – С. 466.
  - ² *Світланко С.* Суспільний рух в Україні кінця XVIII – початку XX століття: образи історичної діалектики // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 2. – К., 2006. – Ч. 1. – С. 309.
  - ³ *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. – М., 1980. – С. 24.
  - ⁴ *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 кн. – М., 2003. – Кн. 1 – С. 5
  - ⁵ *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. – С. 23.
  - ⁶ *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. – М., 1991; *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. – М., 1997; *Миц С. С.* Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998; *Миц С. С.* Русская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. – Краснодар, 2000; *Ежова С. А.* Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник, XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Казань, 1995.
  - ⁷ *Земледельцева Т. О.* Воспоминания А. А. Фета и мемуарная природа его прозы: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тверь, 2008.
  - ⁸ *Павелец Т.* Психоісторики в дебатах з історією // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 2. – К., 2006. – Ч. 1. – С. 155–184.
  - ⁹ *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 кн. – М., 2003. – Кн. 1 – С. 84.
  - ¹⁰ Там само. – С. 322.
  - ¹¹ Там само. – С. 323.
  - ¹² Там само. – С. 323.
  - ¹³ Там само. – С. 322.
  - ¹⁴ Там само. – С. 325.
  - ¹⁵ Там само. – Кн. 2. – С. 1089.
  - ¹⁶ Там само. – С. 1077.
  - ¹⁷ Там само.
  - ¹⁸ Там само. – С. 1067.
  - ¹⁹ Там само. – С. 1077–1078.
  - ²⁰ Там само. – С. 1078.
  - ²¹ Там само.
  - ²² Там само. – С. 1076–1077.
  - ²³ Там само. – С. 1078.
  - ²⁴ *Вигель.* – Кн. 2 – С. 1078.
  - ²⁵ Там само. – С. 1086.
  - ²⁶ Там само. – С. 1079.
  - ²⁷ Там само. – С. 1285.
  - ²⁸ Там само. – С. 1286, 1289–1290.
  - ²⁹ Там само. – С. 1079.